РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ

Попова И.П.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
ВСИ МВД России, Иркутск,
председатель Усть-Илимского городского суда
Иркутской области в почетной отставке
Иванова А.Л.
слушатель 5 курса ФПС и СЭ
ВСИ МВД России, Иркутск

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PARTIES IN THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE PRETRIAL STAGES

Popova I.
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Irkutsk,
Chairman of the Ust-Ilimsk City Court
of the Irkutsk Region in an honorary resignation
Ivanova A.
student 5th year of FPS and SE of the VSI of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

ABSTRACT

This article discusses the principle of adversarial parties in the aspect of its implementation by the subjects of criminal proceedings in the implementation of goals and objectives set by the legislator priority for criminal proceedings. The discussion on goal–setting in criminal proceedings, its significance for individual elements of competition and, in general, for criminal procedural activity is also analyzed.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается принцип состязательности сторон в аспекте его реализации субъектами уголовного процесса при выполнении целей и задач, ставящихся законодателем приоритетными для уголовного судопроизводства. Также анализируется дискуссия о целеполагании в уголовном процессе, его значении для отдельных элементов состязательности и в целом – для уголовно-процессуальной деятельности.

Keywords: adversarial principle, goals, criminal proceedings, purpose, subjects of criminal proceedings.

Ключевые слова: принцип состязательности, цели, уголовное судопроизводство, назначение, субъекты уголовного процесса.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46), а жертвам преступлений – доступ к правосудию и компенсацию за вред и ущерб (ст. 52). В сфере уголовного судопроизводства, это накладывает на судебную систему обязанность в равной степени защищать интересы государства и общества в борьбе с преступностью, а также права и законные интересы, как обвиняемых в совершении преступления, так и потерпевших от преступления [1].

Понятия справедливости и назначения в уголовном судопроизводстве тесно связаны и должны определяться не только пониманием справедливости в материальном смысле, как справедливости наказания, но и совокупностью гарантий, которые были бы нацелены на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также на восстановительный процесс от совершенного преступления.

Справедливость может рассматриваться как минимум в двух аспектах – материальном и процессуальном значении: в первом случае справедливость ассоциируется с соразмерностью назначенного наказания, а во втором – со справедливостью уголовно-процессуальной деятельности, направленной на достижение справедливого результата. Таким образом, понятие справедливости имеет более широкое смысловое значение, заложено в содержание правосудия и неразрывно связано с назначением уголовного судопроизводства.

Согласно ч. 1 ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон.

Положения ст. 15 УПК РФ позволяют комплексно использовать меры обеспечения прав и свобод, которые установлены различными актами. Разграничение функций закрепляется как принцип в ст. 15 УПК РФ, и обеспечивается указанными же положениями. Каждый участник уголовного процесса и каждая сторона имеет предусмотренные

права и обязанности, соответственно, на неё государством возложены различные функции, которые гарантируются особым процессуальным статусом участников уголовного судопроизводства. В качестве баланса сторон существует третья функция – разрешения дела по существу и наличием контроля, осуществляемым судом относительно принятых, принимаемых или подлежащих осуществлению действий и решений, а также имеется и последующий судебный контроль при реализации права на обжалование судебного решения в суде высшей инстанции [2].

Рассматривая значение состязательности сторон, необходимо, прежде всего, учитывать её действие в рамках целостной системы принципов уголовного судопроизводства. Принцип состязательности сторон связан со всеми принципами в силу действия в системе, а в особенности с принципами обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, осуществления правосудия только судом, презумпцией невиновности, а также с назначением уголовного судопроизводства.

В основе осуществления функций лежит реализация участниками уголовного судопроизводства определённого интереса. Категория «интерес» используется в различных отраслях знаний, И.П. Попова делает обобщающий вывод, что стремление сформулировать само понятие «интерес» обусловлено задачей определения средств повышения эффективности деятельности, в рамках которого он реализуется [16, С. 96].

Данные положения дают основания считать, что состязательность и как принцип, и как форма самого уголовного процесса связана с реализацией иных закрепленных в УПК РФ принципов, которые не вступают в противоречия на практике и не создают правовых коллизий, а наоборот способствуют комплексной реализации мер, принятых для рационального функционирования уголовного судопроизводства. Отсутствие надлежащих правовых механизмов реализации правовых норм не только не позволяет достигать баланса интересов участников уголовного судопроизводства, но и самого назначения уголовного судопроизводства, а также снижает авторитет права, закона, правоохранительных органов и государства в целом. Создание четкого и продуманного механизма уголовно–процессуального регулирования позволяет обеспечить законность и правопорядок в обществе, защитить права и интересы граждан, государства и общества в целом и восстановить или компенсировать причинённый преступлением вред.

Сторона защиты и обвинения имеют соответствующие интересы в конечном результате уголовного судопроизводства, потому их процессуальный статус обеспечен путем предоставления прав и обязанностей. В самостоятельную группу участников, которые оказывают помощь во всестороннем, полном расследовании по уголовному делу, уголовно-процессуальный закон объединил ряд участников уголовного судопроизводства, которые, по сути, самостоятельных интересов, направленных на разрешение уголовного дела не имеют, по замыслу законодателя к ним относятся: специалист, эксперт, переводчик, понятой, эксперт, свидетель. Р. В. Мазюк обоснованно отмечает, что в данном случае функции сторон, как направления деятельности, в качестве ориентира имеют идеальные цели, к достижению которых они и суд стремятся [3, С. 63].

Функции, осуществляемые сторонами, разделены законодательно, их основное разграничение проявляется в том, что на досудебных стадиях различие проявляется в их полномочиях на доказывание своей позиции по делу при следственных и иных процессуальных действиях.

Особое значение целеуказаниям в этом аспекте придают нормы международного законодательства. Так, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». В данной норме указывается на необходимость справедливого разбирательства. Полагаем, что в развитии состязательности, наличие целей судопроизводства позволяет оценить «грань справедливости» процессуальной деятельности, то есть, содержание и наличие целей в уголовно-процессуальном законодательстве является критерием оценки справедливого разбирательства [7].

В своих решениях ЕСПЧ неоднократно указывает именно на эту категорию, как определяющую для принятия решения по жалобе. Так, по жалобе № 32165/02 в деле «Сибгатуллин против России» заявитель указал, что было нарушено его право на справедливое судебное разбирательство, поскольку рассмотрение его дела в суде кассационной инстанции было произведено в его отсутствие. Гражданин не смог воспользоваться своим правом, гарантированным ему в силу состязательного производства, вследствие чего, учитывая обстоятельства дела, ЕСПЧ указал, что указанное решение не соответствовало справедливому судебному разбирательству [6].

В целях правомерного поведения должностных лиц в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка указано, что должностные лица по поддержанию правопорядка уважают закон и настоящий Кодекс. Представляется, что уважение к закону, на котором основывается деятельность должностных лиц, возможно при качественной и полноценной подготовке такого закона. Наличие назначения этого законодательства и деятельности, которую он

регулирует, позволяет правомерно действовать должностному лицу [8].

Основной процессуальной фигурой, выступающей со стороны обвинения, следует считать следователя. При этом важно сказать о том, что функцию следователя нельзя рассматривать как односторонне обвинительную. Уголовно-процессуальный закон наделил следователя различными полномочиями, которые позволяют констатировать, что этот участник уголовного судопроизводства не только уполномочен осуществлять уголовное преследование, но и собирать оправдательные доказательства, а также на стадии возбуждения уголовного дела собирать различные сведения, которые позволяют, как возбудить уголовное дело, так и отказать в этом. Некоторые процессуальные мероприятия он проводит не только по своей инициативе, а также по инициативе стороны защиты.

Р.Ш. Асанову представляется, что согласно УПК РФ деятельность следователя на предварительном расследовании не ограничивается обвинением, исходя из назначенной ему функции в ст. 15 данного нормативно-правового акта, поскольку само судопроизводство ведётся в «линейной» форме, то есть при направлении хода расследования и полным его руководством следователем [9, С. 41].

Особое внимание следует уделить интересам участников уголовного процесса со стороны защиты. В ходе уголовного судопроизводства сторона защиты, не обладая властными полномочиями, имеет ограниченные возможности защищать свои законные интересы, тогда как обеспечение права на защиту является конституционный принципом уголовного процесса, закрепленный в ст. 16 УПК РФ.

Реализация принципа состязательности сторон происходит и при избрании меры пресечения, заключающейся в необходимости прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого). В данном процессе принимают участие обе стороны, однако их основные процессуальные функции несколько отличаются от основного производства. Судебный контроль является средством обеспечения реализации последовательных начал состязательности в досудебном производстве по уголовному делу.

Таким образом, в досудебном производстве принцип состязательности сторон реализуется, поскольку есть спор между сторонами, разделение между ними функций, стороны наделены процессуальным статусом, в том числе, сторона защиты имеет право на защиту своих интересов и судебного обжалования действий (бездействий) следователя при осуществлении им функции обвинения. Также существует возможность защите участвовать в доказывании, принимать участие в решении наиболее важных вопросов, связанных с мерой пресечения подозреваемому (обвиняемому). Суд также принимает участие в досудебном производстве, выступая арбитром между сторонами, в рамках судебного контроля, направленного, в том числе, на реализацию принципа состязательности сторон.

Как представляется, усиление элементов состязательности нужно усматривать в расширении сферы действия судебного контроля.

И.Л. Петрухин предлагал введение следующих изменений в уголовный процесс: уравнение процессуальных возможностей обвинения и защиты путем законодательного закрепления адвокатского расследования с последующим приобщением к уголовному делу таких доказательств в обязательном порядке; разрешение обжалования действий (бездействий) следственных органов с обязательным удовлетворением подобных ходатайств со стороны защиты; ввести процессуальную фигуру пострадавшего, распространить действие уведомления о подозрении на стадии проверки сообщения о преступлении, а также придать процедуре получения объяснений процессуальное закрепление как следственного действия [15, С. 157].

Расширение возможностей стороны защиты должно ориентироваться на неукоснительное соблюдение конституционных прав и свобод участников, однако при условии, что не будет создаваться препятствий для установления истины по делу и вынесения обоснованных решений.

Такой интерес предполагает наличие возможности выражать свою позицию или даже возражать относительно каких-либо фактов и действий. Отсюда следует, что целесообразно предоставить защитнику право задавать вопросы в ходе следственного действия или после его окончания.

Особого внимания требует процедура признания доказательств недопустимыми, что на данный момент реализуется судом при их исключении. Однако требуют законодательного закрепления полномочия участников уголовного процесса по осуществлению данной процедуры на первоначальных стадиях, что будет обеспечивать права и свободы всех сторон, участвующих в уголовном процессе. Защитник, собирая сведения, способные приобрести доказательственное значение, ходатайствует следователю или дознавателю об их приобщении с указанием фактов, которые могут свидетельствовать об их относимости и значении в уголовном деле.

Справедливо отмечено А.В. Кони, что «законы о судопроизводстве уголовном, помимо своего значения, как ряда действующих правил об отправлении уголовного правосудия, имеют значение историческое, политическое и этическое. Историческое — в смысле показателя путей и степени развития народа к восприятию господствующих форм и обрядов уголовного процесса и усвоению себе связанных с ними учреждений; политическое — в смысле обеспечения личных прав и свободы и степени ограничения самовластия органов правосудия и произвола в способах отправления последнего; этическое — в смысле развития правосознания

народа и проникновения в процессуальные правила нравственных начал» [13, С. 317].

Н.В. Азарёнок в своём исследовании обратил внимание на историческое развитие целеполагания в уголовно-процессуальном законодательстве и им было выявлено, что в большинстве законодательных актов направленность уголовного процесса определялась через понятие «цель», которая представлялась организующим принципом, кроме того, организующим не только для судопроизводства, но и для судоустройства. На некоторых этапах исторического развития отечественного уголовно-процессуального законодательства целеполагание обозначалось через задачи [10, С. 172].

Ещё одним не менее значимым результатом исследования Н.В. Азарёнка стало выявление обозначения целеполагания не только уголовно-процессуальной деятельности, но и законодательства, а в некоторых случаях подменой этих понятий.

Однако разграничение этих понятий крайне значимо для уголовного судопроизводства, поскольку задачи законодательства указывают на содержание норм права, а задачи судопроизводства на необходимый к достижению результат в ходе процессуальной деятельности.

Поддерживая мнение Ю.В. Деришева о том, что правовая система не может развиваться изолированно от мирового опыта, следует обратить внимание на уяснение понятий назначения и целеполагания, проведя анализ их трактования в странах с разными правовыми системами [12, С. 90].

Внимая особенностям стран англо-саксонской системы, которым не свойственно систематизировать по отраслям нормативно-правовые акты, следует сказать, что Англия относится к числу тех, кто обходится без правового документа, раскрывающего назначение производства или законодательства уголовно-процессуальной отрасли. Однако, США более ответственно подошли к данному вопросу и у каждого штата отмечается наличие целеполагания в процессуальном законодательстве. Это объясняется тем, что между данными странами, не смотря на господство одной правовой системы, существуют отличия в характере частных и публичных отношений. США более свойственно публично-состязательное производство, которое ориентируется на приоритет общественных интересов, а в Англии свойственно доминирование частных отношений, следовательно, данные особенности влияют на определение страной целей законодательства.

Романо-германской правовой системе свойственно издание нормативно-правового акта, регулирующего уголовно-процессуальную деятельность. Однако не каждой в стране в законе, содержащем порядок и правила осуществления уголовного судопроизводства, имеется его цель или задачи (Австрия, Франция, ФРГ), что объясняется ранним этапом его создания. Некоторые страны содержат либо задачи, либо цели, а Швейцария в своём УПК отметила и то, и другое.

Страны Азии уделили внимание в своём законодательстве целям, задачам или назначению уголовного судопроизводства, Китай, помимо указанного, также указал общественно-правовые последствия применения закона.

Страны бывшего СССР также не обделили значимое для уголовного производства целеполагание. Каждая страна закрепила либо цель уголовного судопроизводства, либо цели законодательства, а также задачи. К числу тех, кто более полноценно отразил названные категории, относится Республика Армения, а Республика Беларусь и Казахстан определили, чему исполнение законодательства должно способствовать. Кроме того, Республика Беларусь закрепила не только цели уголовного судопроизводства, но и цели уголовно-процессуального законодательства. Одной из особенностей определения целей в законодательстве данных стран является то, что в статьях могут быть сформулированы социальные ценности, под которыми подразумеваются цели [3, 4, 5].

Анализ законодательства позволяет сказать, что доминирование частных начал в правовой системе исключает закрепление целей в законодательстве уголовного судопроизводства, а наличие публичности в процессуальной деятельности обуславливает ориентировать деятельность правоприменителей, закрепив конкретные задачи и цели уголовного судопроизводства. Также вопрос о закреплении целеуказаний правоприменительной деятельности и регулирующего её законодательства связан с правовыми традициями конкретного государства, что подтверждается ориентиром Австрии, Франции и ФРГ на исторический аспект законодательства, принятого в период правления Наполеона.

Схема 1. Целеполагание в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, целеполагание в уголовном судопроизводстве направлено на регулирование правоприменительной деятельности в целях балансирования нарушенных общественных отношений и процесса их восстановления субъектами, вовлечёнными в указанную деятельность.

Справедливо указано В. Л. Гавели, что цель должна носить нормативный характер, поскольку она сама как закон, без которого невозможно проектировать и осуществлять дальнейшее урегулирование. Также цель в праве должна наделяться юридической силой, чтобы верно определить устремление субъекта для достижения желаемого результата. Благодаря такому подходу у лица, осуществляющего какую-либо деятельность, будет верный ориентир на её ход и результаты [11, С. 214].

Таким образом, в юридической литературе в качестве концептуальной основы УПК РФ обоснованно рассматривается признание публичной правовой природы уголовного процесса как средства, предназначенного для защиты прав и интересов как государства, так общества и частных лиц.

Внедрение принципа состязательности сторон на досудебные стадии должно и впредь проявляться в разумном расширении, прежде всего, судебного контроля за законностью и обоснованностью действий органов дознания и следствия, осуществляющих предварительное расследование уголовного дела, а также в совершенствовании деятельности защитника по обеспечению состязательности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2014 г.) // справ.-правовая система «Консультант-Плюс». ВерсияПроф. – [М., 2019]. –Электрон.текст. дан.

2.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (принят Гос. Думой Федерального Собрания 18 декабря 2001 г.) (ред. от 27 декабря 2019 г.) // справ.-правовая система «Консультант-Плюс». ВерсияПроф. – [М., 2019]. –Электрон.текст. дан.

3.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus. 5

4.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002. 6

5.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : с изм. и доп. по сост. на 7 ноября 2014 г. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#sub_id=10000. 7

6.Постановление ЕСПЧ «Сибгатуллин против России» от 23 апреля 2009 г. по жалобе № 32165/02 на кассационное рассмотрение от 29 июня 2006 г. [Электронный ресурс]: https://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-92316.

7.Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (ред. от 13.05.2004)// http://www.consultant.ru/.

8.Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17.12.1979 Резолюцией 34169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)// http://www.consultant.ru/.

9.Асанов Р.Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дисс... канд. юрид. наук. – Екатеринбург. – 2021. – 229 с.

10.Азарёнок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дисс... докт. юрид. наук. – Екатеринбург. – 2021. – 547 с.

11.Гавеля В. Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности. – Волгоград, 1998. – 280 с.

12.Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функциональноправового построения : дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – 436 с.

13.Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Собр. соч. : в 8 т. – М., 1967. – Т. 4. – 543 с.

14.Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Р. В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 216 с.

15.Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. – М. : ТК Велби, 2005. – Ч. 2. – 192 с.

16.Попова И.П. Назначение уголовного судопроизводства и категория «интерес» // Юридический вестник Самарского университета – 2019. – Т.5, № 2. – С. 93–101.

НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ ТОКЕНЫ КАК УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.2.93.2.1558

Родионов Иван Алексеевич
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

АННОТАЦИЯ

Невзаимозаменяемые токены (NFT) опосредуют криптоискусство, цифровые предметы коллекционирования, онлайн-игры. Они могут удостоверять патентные права или другие права интеллектуальной собственности, права на недвижимость, драгоценности, транспортные средства, лицензии и финансовые документы порождают множество правовых последствий, которые включают, среди прочего, упрощение оборота интеллектуальной собственности, договорных отношений и защиты прав потребителей и требуют его осмысления в качестве вида цифровых прав. Вместе с тем, следует признать, что несмотря на особенности NFT, их правовое определение охватывается категорией утилитарных цифровых прав, закрепленной в российском законодательстве.

ABSTRACT

Non-interchangeable tokens (NFT) mediate crypto art, digital collectibles, online games. They can grant patent rights or other intellectual property rights, rights to real estate, jewelry, vehicles, licenses and financial documents generate many legal consequences, which include, among other things, simplification of the turnover of intellectual property, contractual relations and consumer protection and require its understanding as a type of digital rights. At the same time, it should be recognized that despite the peculiarities of NFTs, their legal definition is covered by the category of utilitarian digital rights enshrined in Russian legislation.

Ключевые слова: NFT, токены, утилитарные цифровые права, информационные системы.

Keywords: NFT, tokens, utilitarian digital rights, information systems.

Российский законодатель отказался от использования термина «токен», определяя имущественное отношения, которые опосредуются в правовом смысле словосочетанием «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ) и утилитарные цифровые права. К последним относятся: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг (п. 1 ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Вместе с тем, в отечественной [7, 9] и зарубежной литературе [1-6], посвященной цифровым активам, термин «токен» по-прежнему используется для обозначения возможностей, опосредованных электронно-цифровыми технологиями. Кроме того, в последнее время в мире происходит активное формирование новых видов токенов, которые становятся объектами имущественных отношений. Соответственно, токены необходимо исследовать в рамках имущественных отношений, опосредованных электронно-цифровыми технологиями для того, чтобы создать нормы гражданского оправа, регулирующие указанные отношения наиболее эффективно.

В Европейском Союзе токены определяются как цифровые активы, созданные на основании технологии блокчейн [1]. Хотя термин «токен» может означать различные явления в имущественных отношениях, однако в первую очередь в настоящее время следует различать те токены, которые не являются взаимозаменяемыми, и те, которые ими не являются (невзаимозаменяемые токены - non-fungible token, далее - NFT).

Для того чтобы определить NFT, необходимо объяснить концепцию взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости. Актив считается взаимозаменяемым, когда есть возможность заменить его идентичным, как с точки зрения качества, так и количества (например, деньги). Аналогичным образом, актив не является взаимозаменяемым, когда такая замена идентичного предмета невозможна, учитывая внутреннюю индивидуальность самого товара (например, произведения искусства). Взаимозаменяемый токен - это токен, равный любому другому в своем роде и способный к взаимной замене. Фактически, один взаимозаменяемый токен можно обменять или обменять на другой взаимозаменяемый токен (того же вида). Напротив, NFT - это особый тип токена, который неделим и уникален. Эта категория